

УДК 655.535.4(477.75)+378.4(477.75)+001(09)+929 ВЕРНАДСКИЙ

**ПЕРЕПИСКА А. И. МАРКЕВИЧА И В. И. ВЕРНАДСКОГО
(20–30-Е ГОДЫ) – СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ ИСТОЧНИК
ПО ИСТОРИИ КРЫМОВЕДЕНИЯ**

Непомнящий А. А.

*Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского,
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: dr.aan@mail.ru*

На основе корпуса эпистолярных источников, отложившихся в личном архивном фонде академика В. И. Вернадского, восстановлены сюжеты повседневности исторического крымоведения 20–30-х годов XX столетия. Изучение переписки позволило определить круг интересов В. И. Вернадского, связанных с крымскими делами. Внимание академика к людям и событиям на полуострове восходит к драматичному периоду его биографии, связанному с неожиданным ректорством в Таврическом университете (октябрь 1920 – январь 1921). В. И. Вернадский, небезразличный к судьбе Таврического (в описываемые годы – Крымского) университета (пединститута) им. М. В. Фрунзе, интересовался судьбами крупных профессоров, с которыми работал в вузе в 1920 году. Благодаря крымским корреспонденциям лидера краеведческого движения А. И. Маркевича проясняется судьба отдельных рукописей В. И. и Г. В. Вернадских, история передачи в Архив Академии наук СССР фондов пионеров разностороннего исследования полуострова П. И. Кёппена и Х. Х. Стевена.

Ключевые слова: В. И. Вернадский, эпистолярное наследие, А. И. Маркевич, Крымский гос. университет им. М. В. Фрунзе.

Место Крыма в судьбе академика Владимира Ивановича Вернадского в последнее время вызывает повышенный интерес у биографов ученого и историков крымоведения [1]. В сложном для страны январе 1920 года Вернадский приплыл в Ялту из Новороссийска. Из Крыма ученый планировал эмигрировать в Англию. Заразившись во время поездки сыпным тифом, он три недели провел между жизнью и смертью на даче Бакуниных «Горная щель» под Ялтой. После выздоровления Владимир Иванович отправил документы в английскую миссию для получения разрешения на выезд семьи в Лондон. Англичане затягивали с ответом и это заставило В. И. Вернадского начать преподавательскую деятельность в Таврическом университете, где уже работал профессором на историко-филологическом факультете его сын Георгий. В апреле В. И. Вернадский с семьей переехали в Симферополь, где он начал службу в должности сверхштатного ординарного профессора по кафедре геологии (избран в марте 1920 г.). Смерть ректора вуза Р. И. Гельвига изменила планы отъезда семьи Вернадских в Лондон. Владимир Иванович принял предложение возглавить университет и остался в Симферополе. Период работы академика в Таврическом университете, ректором которого он был избран в октябре 1920 года, изучался в последние годы с особым вниманием [2, с. 36–39].

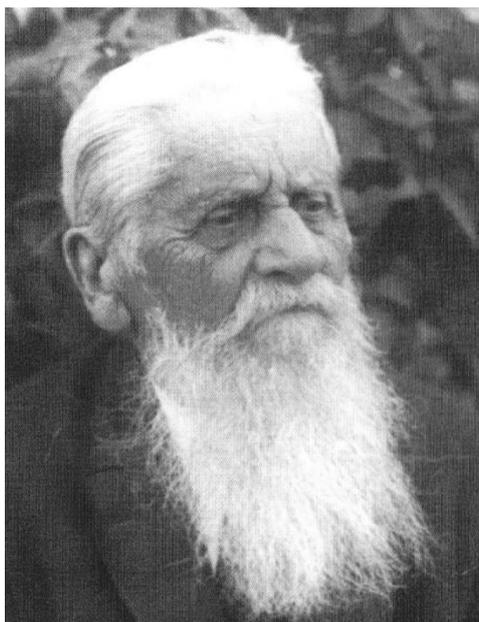
*Портрет В. И. Вернадского.
Художник Е. С. Зарудной-Кавос.*

Находясь в Симферополе В. И. Вернадский включился в работу местных общественных научных организаций. Прежде всего – Крымского общества естествоиспытателей и любителей природы. Участвовал ученый и в заседаниях Таврической ученой архивной комиссии, где активно сотрудничал его сын Георгий Владимирович. В. И. Вернадский был принят в почетные члены этих обществ.

Еще летом 1917 года в Симферополе для координации работы ученых сил полуострова была учреждена Таврическая научная ассоциация (Комитет объединенных научных учреждений и обществ Таврической губернии). В Ассоциацию после официального учреждения вошел и университет. Понимая ведущую роль первого

крымского вуза в организации научной работы, В. И. Вернадский, наравне с официальным председателем этого научного объединения Сигизмундом Александровичем Мокржецким (1865–1936), активно участвовал в работе этого ученого объединения [3; 4; 5, 2019, с. 223–225]. Такая деятельность предполагала широкий круг профессионального общения в ходе подготовки проходивших регулярно съездов ассоциации, решения текущих вопросов. Дневник академика фиксирует значительный круг подвижников развития науки, с которыми проходили его повседневные встречи, консультации в Симферополе. Это представители университета и общественных научных организаций из Таврической научной ассоциации [6, с. 65–116]. В таком круговороте событий выделялись личности, с которыми Владимир Иванович не только чаще других общался в Симферополе, а сохранил дружеские отношения и продолжил переписку после отъезда. Когда его с семьей под конвоем вывезли 23 февраля 1921 года сначала в Москву, откуда только в марте ему разрешили вернуться в Петроград. Таких людей из его крымского окружения – представителей местных ученых сил, оставшихся на полуострове, было немного [7].

Прежде всего – это организатор исторического крымоведения, историк-библиограф Арсений Иванович Маркевич (1855–1942). Сразу после отъезда Владимира Ивановича Вернадского из Крыма общение двух выдающихся людей эпохи продолжилось. Тринадцать писем А. И. Маркевича к В. И. Вернадскому

А. И. Маркевич.

сохранились в личном архивном фонде В. И. Вернадского в Архиве РАН (ф. 518, оп. 3: Письма русских корреспондентов). Они охватывают период 1921–1941 годов и являются весьма информативными для восстановления как особенностей научной работы обоих ученых, так и характеристики отдельных сюжетов истории крымоведения. Эти письма опубликованы с многочисленными ошибками, неправильной интерпретацией неразборчиво написанных слов и имен собственных, пропусками текста [8, с. 612–621].

А. И. Маркевич всегда с охотой, часто писал академикам из Москвы и Ленинграда, с которыми поддерживал дружеские отношения. Как явствует из содержания, его сохранившиеся послания к В. И. Вернадскому – лишь часть проходившей между деятелями обширной

переписки. Письма самого Владимира Ивановича в Симферополь постигла грустная судьба всего личного архива А. И. Маркевича, который был сожжен осторожным хозяином во время массовых арестов представителей творческой интеллигенции в Симферополе в 1937–1938 годах [9, с. 6–7].

Переписка началась по инициативе В. И. Вернадского, который осенью 1921 года попросил крымского коллегу, имевшего блестящую эрудицию, подсказать, кто из посещавших Крым ученых или путешественников оставил информацию о киле – голубой крымской глине, имевшей мыльные свойства. В декабре 1921 года Арсений Иванович, откликаясь на этот запрос, сообщал:

«Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Исполняя Ваше поручение, я начал розыски материала о киле и на первый раз представляю выписки из Габлица, и Палласа, и из Камерального описания Крыма 1784 г. Важность последнего материала в том, что из него можно вычислить, сколько приблизительно добывалось кила в то время, увеличив откупную плату примерно вдвое (плата рабочему, перевозка, погрузка до хаты купчика). Выскажу, что кила добывалось и вывозилось немало.

Искренно преданный Вам Арс. Маркевич.

13/26 дек[абря] 1921 г.

Р. S. Как только потеплеет, буду продолжать работу» [10, л. 1].

находился в это время в Праге [11], для дальнейшей работы. Именно эти рукописи стали поводом к следующему письму А. И. Маркевича в Москву.

«Симферополь, 26. V. 1924.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович.

На днях, разбирая дела архива б[ывшей] Тавр[ической] Уч[еной] Арх[ивной] Комиссии, я нашел маленькую пачку бумаг, оставленную в нем Георгием Владимировичем, о которой Вы упоминали при отъезде из Симферополя. В ее целостности ручаюсь. Так как этот архив перешел теперь в общий Центральный Крымский Архив и в другие руки, то я, пользуясь случаем, пересылаю эту пачку на Ваше имя в Петроград, в Академию. Вместе с тем посылаю Вам и оставленную у меня Георгием Владимировичем рукопись его статьи «Два лика декабристов». Быть может, она ему теперь пригодится, он ее напечатает. Мы теперь ничего не печатаем за отсутствием средств.

Т[аврическая] Архивная Комиссия наша переименована в Таврическое общество Истории, Археологии и Этнографии, и члены ее переизбраны, так что Вы считаетесь у нас почетным членом, а Георгий Владимирович – действительным.

Мы живем по-прежнему, изо дня в день, и единственное утешение у нас с Анной Николаевной [супруга А. И. Маркевича – А. Н.] – дети и внуки. Старший сын перебрался с семьей сюда из Киевской губернии, у дочери имеется сын. Радуемся, что вся наша небольшая семья в сборе, и вместе делим и редкие радости, и постоянные заботы и невзгоды. Университет наш стал сильно трещать, но еще держится.

Просим принять наш общий привет и передать его Георгию Владимировичу и Нине Владимировне. Как я был бы счастлив обнять их!

Искренно преданный Вам А. Маркевич» [12, л. 2–2 об.].

В письме, сквозь строки, слышны нотки обиды Арсения Ивановича на новые архивные власти на полуострове. Ему, организатору создания местного архива, это было особенно неприятно. Авторитетный краевед был принят после окончательного утверждения в Крыму советской власти в основанный при его прямом участии в 1918 году архив на должность «архивист». После очередной реорганизации приказом № 33 от 19 апреля 1923 года его зачислили на должность «ученый секретарь-архивист» [13]. Примечательно, что на анкетном листе, заполненном 68-летним крымоведем, заведующий КрымЦентрархивом А. М. Михайлов отметил: «Как незаменимого и чрезвычайно ценного и опытного сотрудника прошу зачислить. 27. IV. 23» [14, л. 1]. В это время Арсений Иванович занимался в архиве составлением описей для фондов, которые формировались при его непосредственном участии с 1887 года – времени начала работы Таврической ученой архивной комиссии. Это материалы Таврического дворянского депутатского собрания, Странноприимного дома А. С. Таранова-Белозерова, Таврической дирекции народных училищ, Симферопольской губернской гимназии, Сиротского дома А. Я. Фабра, Комиссии о вакуфах, Бахчисарайской и Симферопольской

городских управ. Фактически речь шла о передаче собранных фондов из бывшего архива Комиссии в государственный архив. Историк трудился не покладая рук, несмотря на плохое зрение и солидный возраст.

1940
Симферополь
26/3 1924г.
Глубокоуважаемый
Владимир Иванович!

На днях, при получении письма от
б. Марк. И. Арт. Николаевича, я получил
массовую посылку писем, относящуюся
к делу Георгия Владимировича, а также
ряд других документов при которых из
Симферополя в ее составе рукопись.
Так как этот архив перешел в руки
бывшей Центральной Крымской архив
и в другие руки, то я, не имея связи
с ней, передала эту посылку на адрес
Ивана в Петроград, и Александров. Как
следствие в том случае была и отсылка
рукописи Георгия Владимировича рукописи
со статьи «Два лика декабристов». Это
дело, она ему не прибудет, так как
написана. Мне нечего и не писать
ему на этот счет будет.

Письмо А. И. Маркевича В. И. Вернадскому. 1924 г.

Очевидно, что была налажена пересылка обширной корреспонденции академика из Москвы во Францию. И В. И. Вернадский своевременно отвечал всем своим корреспондентам. Владимир Иванович передал сыну известие о присланной А. И. Маркевичем рукописи статьи «Два лика декабристов». Георгий Владимирович ответил отцу 25 марта 1926 года из Праги: «Статью мою «Два лика

А. А. Байков.

декабристов» при случае мне перешли, но это неспешно – сейчас у меня определенных планов на нее нет. Все же перешли» [15, л. 10].

Зная интерес В. И. Вернадского к судьбе первого крымского вуза, А. И. Маркевич не преминул упомянуть о ситуации в Крымском государственном университете имени М. В. Фрунзе, который являлся преемником Таврического университета: вуз «стал сильно трещать, но еще держится». В. И. Вернадский много сил положил на сохранение университета в кровавые дни установления советской власти в Симферополе в ноябре 1920 года. Состоявший в 1924 году только из двух факультетов – педагогического и медицинского – вуз действительно «трещал». Все громче слышались разговоры о перспективе его закрытия (или

лишения статуса университета). Уменьшалось финансирование, шло сокращение штатов. Имевшие научные связи в столичных центрах преподаватели при любой возможности переводились туда на работу. Ректор университета химик А. А. Байков (1870–1946) уехал в командировку в Москву и не вернулся. Получив там предложение о работе, ученый не посчитал нужным даже приехать в Симферополь забрать вещи. Весь 1924 год в университете, который возглавил профессор-биохимик, бывший министр народного здравоохранения Временного правительства России С. С. Салазкин (1862–1932), прошел в борьбе за сохранение вуза. Однако, несмотря на все усилия, решением Совнаркома РСФСР медицинский факультет в Симферополе был закрыт, а университет в 1925 году реорганизован в педагогический институт [16, с. 45–76].

Об еще одной находке рукописей Г. В. Вернадского А. И. Маркевич сообщил Владимиру Ивановичу в марте 1926 года, уже после возвращения академика в Ленинград.

С. С. Салазкин.

«25. III. 1926 г. Симферополь.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Несказанно обрадовался я, получив Ваше письмо. Радуюсь, прежде всего, тому, что Вы здоровы, полны энергии и без перерыва продолжаете в тех же размерах

Г. В. Вернадский.

ученую работу. Радуюсь от всей души и тому, что здоровы Георгий Владимирович и Нина Владимировна [дочь В. И. Вернадского – А. Н.], и что он по-прежнему много и продуктивно работает. От всего сердца желаю Вам и ему здоровья и сил в ваших трудах и самого нового успеха. Вполне сочувствую интересу Георгия Владимировича к Византии и рад, что он уже много сделал в этой области. Буду счастлив, если на закате своих дней хоть мельком погляжу на его труды в печати.

Передайте Вашей супруге и им мой низкий поклон и привет. Посылаю статью Георгия Владимировича о «Пушкине как историке». До последних дней я не терял надежды на получение субсидии на издание наших трудов и среди них работы Георг[ия] Владим[ировича]. Но и сейчас нам отказали... Вот уже шесть лет, как мы не

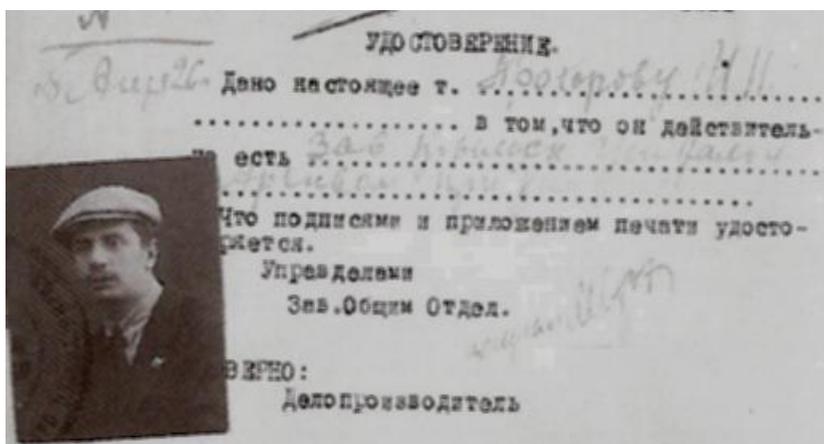
имеем возможности выпустить в свет хоть часть своих работ, которых хватило бы на несколько томов. Обществу Естествоиспытателей [Крымское общество естествоиспытателей и любителей природы, речь о 8 томе «Записок», вышедших в 1925 году – А. Н.] удалось выпустить в свет томик своих трудов, хоть и с затруднениями. Может быть, и нам удастся издать что-нибудь.

В этом году (в сентябре), предположен созыв конференции в Керчи по случаю 100-летия существования Керченского Музея. Может быть, и Вы пожелаете в Крым. Зять наш, Кошляков Ник[олай] Серг[еевич], перешел в Ленинградский универ[ситет]. Я и жена стареем и дряхлеем, но, в общем, тянем житейскую лямку.

Искренно преданный Вам А. Маркевич» [17, л. 3–3 об.].

Отпраздновавшего недавно 70-летний юбилей крымского историка новая генерация крымоведов старалась вытеснить в ведущие позиции в регионоведческой историографии. Арсения Ивановича обвинили в «нежелании выполнять существующее законодательство и стремление скрыть от органов Сов. власти архивные материалы периода Революции и Гражданской войны». Столь жесткая формулировка нового заведующего КрымЦентрархива И. Н. Прохорова,

электромонтера по специальности, имевшего начальное образование, была связана с выводами комиссии КрымЦИКа, которая в марте 1926 года обследовала деятельность КрымЦентрархива. Признав работу архива неудовлетворительной, проверяющие среди недостатков указали на несоответствие части работников своему назначению, в том числе по политическим взглядам: «В прошлом профессор Маркевич – реакционер, а в данное время – аполитичен. По преклонности лет малопродуктивен» [18, л. 7]. Волновался судьбой архивных бумаг семьи Вернадских Арсений Иванович не напрасно. В августе 1926 году вышел приказ об его увольнении с Центрархива. Однако старая статья о Пушкине Г. В. Вернадскому оказалась неинтересной. Находясь в Праге он опубликовал похожий материал в издаваемых Российской учебной коллегией «Ученых записках» (1924. Т. 4, вып. 2. С. 61–79). Он отписал отцу: «Статью о Пушкине «Пушкин как историк» печатать не стоит, так как здесь на эту тему ведь была издана моя статья в 1924 году» [19, л. 10].

Удостоверение И. Н. Прохорова.

Лидер крымских краеведов также сообщал о предполагаемом созыве Конференции археологов СССР в Керчи по случаю 100-летию существования Керченского Музея. На Конференцию археологов СССР в Керчи В. И. Вернадский, занятый другими проблемами, не поехал. Этот научный форум ознаменовал возрождение старых академических традиций и сделал полуостров на некоторое время центром притяжения и интереса многих центральных фигур не только советской археологии, но и исторической науки в целом. Подробный отчет о наиболее интересных докладах Вернадскому прислал А. И. Маркевич [20].

Упомянутый зять Маркевича – математик Николай Сергеевич Кошляков (1891–1958) – работал в Таврическом (Крымском им. М. В. Фрунзе) университете с 1918 по 1925 годы. В конце 1925 года вместе с дочерью Маркевича Екатериной они переехали в Ленинград.

21 ИЮН 1934 128
84

Краткая автобиография,
(Сущность vitae).

Я родился в г. Брест-Литовске 30 марта 1855 г., сын священника. Очень трагичный и трудный дет. мой: селки два раза умиротворены, и в семействе были много бедств, которые были примерами моих родителей и по отцу и по матери, дяде. Сын-Славянин. Дед мой по отцу был священник и писарь, два родственника были профессорами философии, при этом в детстве достигли по народному образованию. В отроческие и юношеские годы я хорошо ознакомился с историей не только Бреста и его окрестностей, но и с историей Крыма и с историей Крымской войны и с историей Севастополя, происшедшие в результате моих занятий, особенно в детстве, сущность была по ознакомлению с Брестской крепостью, а также с историей-историей, при которой был вторым князем, затем воеводой на восточном берегу, в котором находилась, за отсутствием тогда еще крепостей и их, как покорял и разорил по восточному берегу Крыма и в начале Крымской войны, на котором был отряжен воеводой в войсках отставных солдат, бывших в войсках с Кавказской войной и переживавшей сражения, особенно с полководцем восточной войной, очень сильно страдавшим в Бресте и в окрестностях нашей священнической семьи и в детстве, в отроческом детстве не имея возможности в детстве продолжать изучение восточной истории, а также в детстве в Бресте и в окрестностях Бреста.

Образован и начал в детстве учиться и проходил в

Автобиография А. И. Маркевича. Автограф. 1934 год.

В 1927 году не имевший ученой степени А. И. Маркевич был избран членом-корреспондентов АН СССР. Здесь, безусловно, сказалась протекция сразу нескольких академиков, занимавшихся вопросами крымоведения и хорошо знавших Арсения Ивановича. Избрание членом-корреспондентом АН СССР позволило А. И. Маркевичу поставить вопрос о назначении ему персональной пенсии. С этой просьбой он обратился в этом же 1927 году одновременно к профессору М. М. Богословскому [21, л. 1–2] в Москву и академику С. Ф. Платонову в Ленинград [22, с. 51–57]. Уже тогда столичные друзья Маркевича начали составлять первые бумаги-ходатайства, однако бюрократическая переписка не давала нужного результата. По вопросу «оформления полной профессорской пенсии» Арсений Иванович беспокоил и В. И. Вернадского. В связи с этим интересно письмо А. И. Маркевича к его бывшему ученику по Симферопольской мужской гимназии, а в то время – известному филологу, историку славянской литературы, балканисту Н. С. Державину, датированное 27 августа 1929 года. Там упоминаются ученые, которые могли бы посодействовать ходатайствами или подписать общее обращение. В этом ряду В. И. Вернадский стоит на первом месте. Из контекста ясно, что Маркевич писал ему по этому вопросу отдельно и получил положительный ответ [23, л. 1–1 об.]

По приглашению В. И. Вернадского с конца 1926 года А. И. Маркевич сотрудничал в Комиссии по истории знаний. Членство А. И. Маркевича в этом учреждении зафиксировано в нескольких документах [24, с. 597, 711]. Арсений Иванович, как никто другой, имел наработки, по вопросам истории крымоведения. До недавнего времени малоизвестным оставалось и его обстоятельное исследование, посвященное истории памятникоохранительной работы в Крыму «Судьба памятников древности в Тавриде», которое А. И. Маркевич подготовил в октябре 1921 года и отправил в Москву [25, л. 54–69]. Эту объемную рукопись удалось выявить и опубликовать. В дальнейшем крымовед работал над ее редактированием и дополнением. Об этом свидетельствует письмо В. И. Вернадскому, написанное весной 1929 года.

«3. III. 1929 г. Симферополь, Архивная, 28.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Простите, прежде всего, что беспокою Вас. Мучит меня мысль о том, что состоя, благодаря Вашему вниманию, членом Академической Комиссии по Истории Знаний уже свыше двух лет, я ничем не проявил своего участия в ней. Дело тут и в моей старости, и в неудобной в Симферополе обстановке для научной работы. Но прежде, чем просить освобождения от этого звания, я решаюсь предложить Вашему вниманию мой труд, который подходит к концу. Тема этой моей работы «Памятники древности Крыма, их изучение и судьбы». Если статья на эту тему подходит к задачам Комиссии, то я взялся бы за ее отделку и через два месяца выслал бы ее Вам на рассмотрение. Быть может, удалось бы сделать и раньше. Статья выйдет не особенно большая, печатных листов 3–4. Изложение придется сжимать в виду нынешних бумажных затруднений. Покорнейше прошу Вас сообщить мне Ваше мнение относительно темы статьи, а заключение

относительно принятая или непринятая ее Комиссией, разумеется, будет зависеть от достоинств работы. Пока я хотел бы знать, пригодна ли тема? Но в любом случае продолжать эту работу буду, так как хочу довести ее до конца поскорее.

Обращаюсь к Вам, Владимир Иванович, и с другой просьбой – сообщить мне теперешний точный адрес Георгия Владимировича. Сердечно хочется написать ему: я очень люблю его, уважаю и скорблю о том, что он теперь так далеко. Вместе с тем, прошу Вас передать ему и Нине Владимировне мой и жены моей привет и самые лучшие пожелания. Думаю о нем очень часто.

Позвольте мне засвидетельствовать Вам и Вашей супруге глубокое почтение и пожелать Вам здоровья и всех благ.

Искренно преданный А. Маркевич» [26, л. 4–5].

Судьба этой дополненной, обширной рукописи А. И. Маркевича по истории памятникоохранной деятельности неизвестна.

Переписка ученых позволяет пролить свет на историю передачи архивных документов ботаника Х. Х. Стевена и историка, статистика П. И. Кёппена из Симферополя в Архив Академии наук в Ленинграде. Это связано с переизбранием председателя Таврического общества истории, археологии и этнографии, прошедшее в 1930 году. Новые власти стремились избавиться от авторитетного, но идеологически чуждого старика. А, между тем, Арсению Ивановичу удалось в новых условиях восстановить выпуск ежегодных «Известий» Общества и восстановить работу организации в досоветских объемах собраний и докладов, продолжить практику привлечения к сотрудничеству ученых из академических центров СССР. А. И. Маркевича на посту председателя заменили на Н. Л. Эрнста. По этому поводу в апреле 1930 года Арсений Иванович писал Вернадскому из Симферополя. Его волновала, судьба уникальных архивных бумаг, которые не очень интересовали археолога Эрнста:

«8. IV.1930. Симферополь, Архивная, 28.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Не думайте, что я забыл исполнить свое обещание – выслать Вам №№ 1–3 «Известий» нашего Общества ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии]. Приехал я домой еще не совсем оправившимся от ленинградской болезни (воспаления легких и плеврита) и до сих пор чувствую слабость в организме при плохом сердце и таком же плохом питании. Вместе с этим письмом посылаю Вам эти книги.

Позвольте при этом побеспокоить Вас одним вопросом. В нашем Обществе [истории, археологии и этнографии – А. Н.] имеется громадное количество писем разных ученых к ботанику Х. Х. Стевену. Все они касаются ботаники, акклиматизации растений Никитского сада и т. п. Наше Общество решило передать эти письма в Академию Наук, но еще не решено, в Ботанический ли Кабинет ее, или в Комиссию по Истории Знаний. Очень прошу Вас, Владимир Иванович, высказать свое мнение по этому делу. Сейчас у нас образовано новое

Правление, мне, вероятно, придется сложить с себя звание Председателя Общества. И я хотел бы передать эти письма поскорее, чтобы они не попали в к[акие-]н[ибудь] неподходящие учреждения.

Имеется у нас и значительное количество бумаг акад[емика] П. И. Кёппена. Это, гл[авным] обр[азом], письма его к Х. Стевену, но они не имеют научного значения и пока нужны нам для наших работ. Портретов у нас оч[ень] мало (Палласа – копии академических, Стевена, Кёппена, арх[иепископа] Иннокентия, который также был академиком). Вот последний, пожалуй, можно было бы передать в Академию, во избежание его потери. Это, собственно, литографический портрет.

Если имеются у Вас новые известия от Георгия Владимировича, не откажите сообщить мне. У нас только-только начинается весна. Жена и я просим передать Вашей супруге и принять наш искренний привет и сердечные пожелания здоровья и всех благ.

Душевнопреданный Вам А. Маркевич» [27, л. 6–7].

В. И. Вернадский высказался за скорейшую передачу документов Х. Х. Стевена и П. И. Кёппена в центральные академические учреждения. Академик объективно считал, что эти исторические источники должны храниться в архиве Академии наук, куда и предложил их передать. 3 октября 1930 года он повторно писал А. И. Маркевичу, высказывая свою тревогу по поводу задержки с передачей архивов П. И. Кёппена и Х. Х. Стевена в академические учреждения Ленинграда. Владимир Иванович просил также, чтобы А. И. Маркевич прислал для архива Академии наук несколько своих фотографий и личные документы, которые у него сохранились. Объясняя В. И. Вернадскому причины неспешности передачи, А. И. Маркевич отвечал:

«9. X. 1930 г. Симферополь, Архивная, 28.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Спешу с ответом на Ваше письмо от 3-го числа. Замедление с высылкой в Академию бумаг Хр[истиана] Стевена (писем к нему) произошло не по моей вине. С формальной стороны это объясняется перегруженной работой по раскопкам нынешнего председателя нашего Общества ист[ории], арх[еологии] и этн[ографии] Эрнста, а по существу, его бестолковостью. Заминка эта мне крайне неприятна, – но я тут не могу быстро помочь делу. Сейчас Эрнст копает курганы в Перекопском уезде. Как только он вернется в Симферополь, я приму все старания к скорейшей отсылке этих бумаг.

Две фотографические карточки мои – одну в среднем возрасте, другую – недавнего времени – я выслал Вам в июне или июле этого года. Досадно, что они не дошли к Вам, так как обе они были очень удачны и сохранились у меня в единственном экземпляре, а переснять их теперь невозможно. Что касается документов моих (родовых), то сын и дочь упросили меня оставить их у себя до тех пор, пока подрастут их дети, чтобы дать им возможность познакомиться с

прошлым моего рода. До смерти своей я их сберегу, а затем они будут (вероятно) у нашей дочери – Кошляковой, которая исполнит мое обещание.

Я очень опечален оставлением Вами председательства в Комиссии по истории знаний. При новых обстоятельствах мне трудно будет сохранить звание ее члена. Тем более, что в настоящее время лишен возможности дать Комиссии свою работу. С другой стороны, меня радует возможность для Вас поездки за границу. Теперь печатается в Киеве, в Зап[исках] Всеукр[аинской] Академии, моя работа, и как только получу оттиски, немедленно вышлю Вам, Георгию Владимировичу, и в Комиссию знаний. Печатание наших «Известий» пока на мертвой точке, и когда оно сдвинется с нее, трудно сказать, хотя обнадеживают, что это состоится в скором времени, чему я лично не верю, потому что изверился относительно исполнения обещаний. Сначала говорили о недостатке бумаги, а теперь все только и думают и говорят о денежном оскудении. В учреждениях у нас до сих пор не выдает жалование за сентябрь, и, по слухам, отделение Госуд[арственного] банка очень стеснено. Вместе с тем, картошку выдают по книжкам по 1/2 кило, выдача другого пайка прекращена, и мы уже перешли на полуголодное существование. На пустой желудок и спать плохо, тем более работать – физически или умственно.

Не откажите передать мой привет Георгию Владимировичу и Нине Владимировне. Я очень часто и любовно вспоминаю их, а в течение этого лета наши ленинградцы проживали в Батилимане, и это постоянно мне напоминало о прошлом, когда Георгий Владимирович и Нина Владимировна мечтали там обосноваться.

Жена и я просим передать наши почти желанный привет Вашей супруге.

Всего доброго, радостного.

Душевно преданный Вам А. Маркевич» [28, л. 8–9 об.].

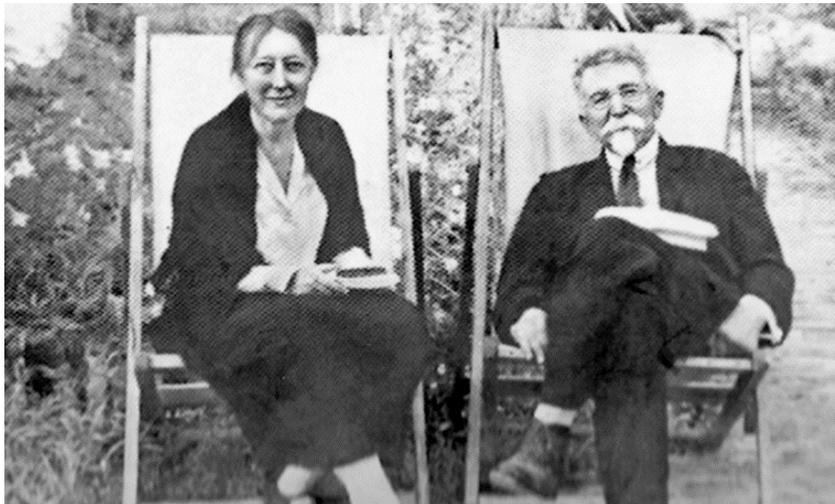
А. Е. Крымский.

Крымский историк в этом письме с радостью сообщал в Ленинград о намечавшейся публикации в Киеве его научных работ, скопившихся за последние годы. Лишенный возможности опубликовать статьи не только в академических изданиях Москвы и Ленинграда, но и в Крыму, А. И. Маркевич с радостью откликнулся на предложение востоковеда-арабиста, тюрколога, академика Всеукраинской академии наук Агафангела Ефимовича Крымского (1871–1942) участвовать в редактируемом им научном сборнике. Эта страница творческой биографии А. И. Маркевича связанная с сотрудничеством двух ученых малоизвестна. В

сферу научных интересов А. Е. Крымского прочно входило крымоведение. В 1926–1928 годах он совершил несколько научных поездок по полуострову экспедиционного характера для сбора этнографического материала и знакомства с документами местных архивов и библиотек о средневековом прошлом региона. Именно тогда при посредничестве семьи украинских историков Наталии Дмитриевны и Николая Прокопьевича Василенко [29] произошло знакомство А. Е. Крымского с А. И. Маркевичем, без которого, по справедливому замечанию хорошо знавшей их обоих видного украинского историка Н. Д. Полонской-Василенко, архивные штудии киевского исследователя в Крыму не принесли бы нужных результатов. Тогда же у А. Е. Крымского

зародилась идея подготовить в Киеве академическое издание, посвященное крымской тематике. Несмотря на обвинения в национализме, периодические увольнения и даже аресты ему удалось в 1930 году организовать выпуск тематического номера «Збірника Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук», который известен в историографии крымоведения под названием «Студії з Криму». В сборнике в крайне некачественном переводе на украинский язык были помещены присланные А. Е. Крымскому статьи А. И. Маркевича из цикла «Из культурного прошлого Крыма XIX столетия» [30].

*Н. П. Василенко и Н. Д. Полонская.
Преображение (дом отдыха Всеукраинской академии наук). 1933 г.*

Выпуск «Студій з Криму» получился довольно интересным и вызвал положительные отклики в среде научной общественности. И это с учетом плохого перевода и того, что на украинский язык не были транслитерированы практически все инициалы в статьях. А в материале по истории культуры Крыма их, понятно, было весьма много [31]. У А. Е. Крымского и А. И. Маркевича возникло желание подготовить второй том, пригласив к сотрудничеству, как и в первом выпуске, различных историков-востоковедов. К сожалению, эта идея не была реализована [32, с. 310–314].

Крайне болезненная тема закрытия Таврического общества истории, археологии и этнографии и библиотеки этой организации вновь была затронута А. И. Маркевичем в следующем письме к В. И. Вернадскому в мае 1931 года.

*«Симферополь, Архивная, 28.
8. V. 1931.*

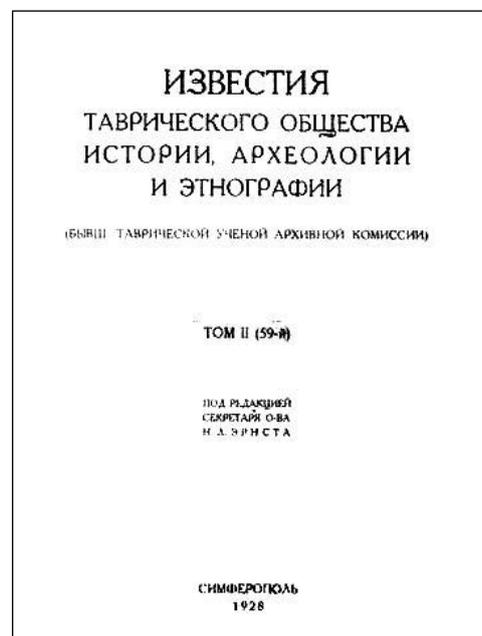
Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Вы, вероятно, знаете, что наше Таврическое Общество Истории, Археологии и Этнографии закрыто, и надежды на скорое восстановление его в каком-либо виде не предвидется. Досаднее и печальнее всего то, что оно закрыто не от собственного обращения, а от действия каких-то других обращений, не имеющих с наукой ничего общего. Закрыт и музей наш, закрыта и библиотека, будущее которой, говорят, висит на волоске. Меня, между прочим, пугает и будущее степеновских и кёппеновских бумаг, находящихся в этой библиотеке. Но все мои обращения об отправлении их в Академию Наук были тщетными. Вы это знаете.

С закрытием нашего Общества прекращается и моя личная научная работа, если не совсем, то в очень значительной мере. Тянулась она почти полвека, и довольно. Теперь она не нужна.

Теперь наши академики проповедуют, что «автономия науки – вредительство, что формула «наука для науки» – миф, ложь, обман...».

Но я хорошо помню Вашу записку 1920 года, составленную и высказанную Вами в Крымском университете перед Вашим отъездом отсюда. И сейчас передо мною Ваш образ, как идейного поборника науки, как великого представителя ее в нашем несчастном Отечестве. Мне незабвенно и дорого Ваше внимательное отношение и к моей личной скромной научной работе, которой наступает конец.

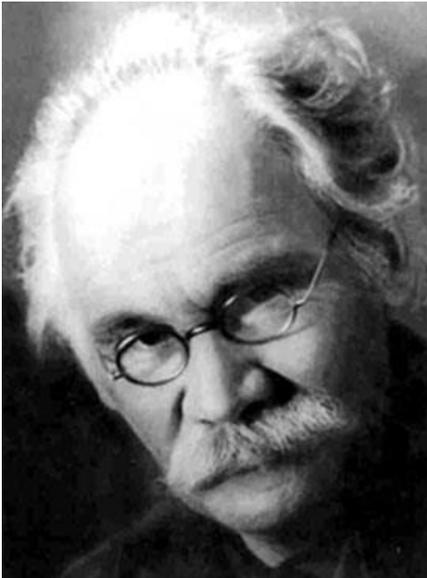
Позвольте мне, высокочтимый Владимир Иванович, принести Вам почтительную и горячую благодарность за Ваше внимание, ставшее для меня очень большой поддержкой в эпоху тяжелых переживаний.

Желаю Вам здоровья и бодрости душевной для новых свершений, всякого укрепления Вашего служения науке.

Вашей глубокочтимой супруге, дорогим Георгию Владимировичу и Нине Владимировне прошу передать мои поклоны и исполнения всех благ.

Душевно преданный А. Маркевич

Р. С. Извиняюсь за беспокойство, прошу передать прилагаемое письмецо С. Н. Чернову» [33, л. 10–10 об.].

С. Н. Чернов.

Историку Сергею Николаевичу Чернову (1887–1941), уволенному из Археографической комиссии и находящемуся в это время под следствием в связи с «Академическим делом», Маркевич, наверняка сообщал о своей публикации в киевском журнале о декабристах в Крыму. С. Н. Чернов глубоко занимался историей движения декабристов. С ним Маркевич советовался по биографическим аспектам декабристов, приезжавших на полуостров.

О продолжении и личных контактов ученых свидетельствуют послания, направленные А. И. Маркевичем В. И. Вернадскому 4 февраля (из Ленинграда, где он гостил у дочери, заболел и вынужден был остаться надолго) и 12 декабря 1932 и 2 января 1933 годов (открытка и два письма).

*«Ленинград, пр. К. Либкнехта, д. 98, кв. 16.
4.11. 1932.*

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Я очень тронут Вашим намерением навестить меня и буду крайне рад, если Вы удостоите меня своим посещением. Весь февраль я должен провести в комнате, хотя, по-видимому, уже выздоровел. Таким образом, я всегда дома, и время посещения меня вполне зависит от Вас. На трамвае Вы доедете почти до нашей квартиры. Надо пройти ворота, во дворе повернуть сейчас же направо, дойти до дверей в углу и подняться на 4-ый этаж. Лестница довольно хорошая. Спросить меня. Я и Анна Николаевна всегда дома. Дочь в Детском Селе в доме отдыха. Зять Н. С. Кошляков, конечно, там присутствует.

Глубокий наш привет Вашей супруге.

А. Маркевич» [34, л. 11].

«Симферополь, ул. Ленина, 18. 12. XII. 1932.

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Прочитал в «Известиях» Академии наук, что Вы делали доклад в заседании последней сессии. Спешу поздравить Вас с благополучным возвращением домой в полном здравии и неослабленной энергией²⁰. Раньше никто из знакомых не сообщил мне о Вашем приезде. Думаю, что Вы были за границей в частном общении, может быть, и личностном, с Георгием Владимировичем и Ниной Владимировной. Очень был бы благодарен, если бы Вы черкнули мне несколько слов, как они поживают, приезжали ли в Прагу и т. д. Продолжает ли Георгий Владимирович занятия по истории Византии? Что написал в последнее время по истории он?

Я, как видите, уцелел после легочных болезней последних лет, хотя сильно подался, одряхлел. И жена очень постарела. Кое-как боремся с тяжелыми условиями жизни, но очень боимся наступающей и у нас зимы, которая, говорят, будет короткая, но суровая. Дочь и зять зовут нас упорно к себе, но вопрос этот очень сложен, и решимся, если доживем, летом, когда исполнится ровно 50 лет моей жизни и работы в Крыму.

У нас здесь еще осень, но начинаем топить печь понемногу. Из писем своих знаем, что в Ленинграде уже зима, и свирепствует тиф. И здесь он силен, было несколько случаев и сыпняка.

Жена и я просим Вас и супругу Вашу принять наше приветствие и сердечное пожелание всего доброго.

Глубоко уважающий Вас и душевно преданный А. Маркевич» [34, л. 12–12 об.].

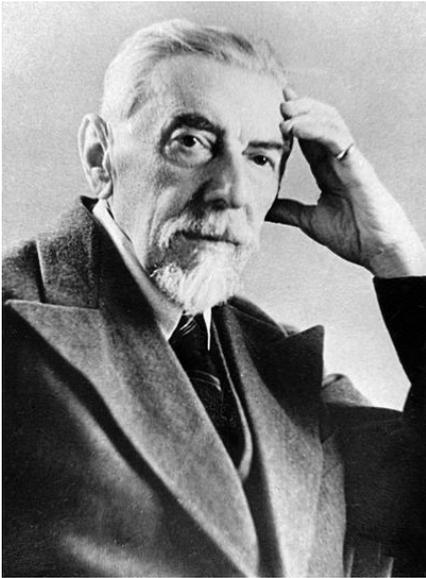

А. М. Лукьяненко.

А. И. Маркевич не посвящал отдельных посланий ситуации в Крымском университете (пединституте) им. М. В. Фрунзе. Однако довольно часто, но емко, характеризовал плачевную ситуацию в вузе. Он знал – Вернадскому, как бывшему ректору Таврического университета – это интересно. Понимая внимание академика к событиям в симферопольском институте, судьбам знакомых историков и филологов старшего поколения А. И. Маркевич 12 января 1933 года сообщал ему: «Сейчас оставляют службу в здешнем Пед[агогическом] Инст[итуте] почетные профессора бывшего Таврич[еского] ун[иверсите]та Лукьяненко, С. П. Попов, А. Н. Деревницкий» [35, л. 15 об.].

На самом деле от старых кадров полностью избавились в Крымском пединституте несколько позже – через год, но атмосфера гонений ощущалась уже тогда. В мае 1934 года Крымский обком партии принял специальное постановление,

где ставилась задача «провести систематические разоблачения извращений и враждебных выступлений преподавателей Крымского пединститута, протаскивающих до самых последних дней чуждую идеологию». Первой в списке была фамилия профессора А. Н. Деревницкого. Не забыли и других представителей досоветской школы [36, л. 2–3]. Алексея Николаевича Деревницкого (1859–1943) Вернадский хорошо знал по работе. Он был при его ректорстве деканом историко-филологического факультета – самого большого подразделения университета. Именно с ним Владимир Иванович провели «акцию» по спасению молодых солдат врангелевской армии, выдав им «лекционные книжки» (аналоги студенческих билетов) студентов университета. Так как знаний у бывших солдат по специальностям медицинским, аграрным или физико-математическим явно не было, то договорились зачислять на факультет к А. Н. Деревницкому и юридический.

С. П. Попов.

Александр Митрофанович Лукьяненко (1879(80)–1974) – специалист в области языкознания, хоть был значительно моложе «старой» профессуры, также своими взглядами не устраивал руководство вуза. О ситуации с крупным минералогом и биохимиком Сергеем Платоновичем Поповым (1872–1964) Вернадский знал из личной переписки с ним.

Будучи на пенсии, в тридцатые годы Арсений Иванович продолжал заниматься восстановлением истории первого крымского вуза. Свидетельством тому является его письмо В. И. Вернадскому от 17 марта 1936 года. Оно написано в Ленинграде, когда Арсений Иванович гостил у дочери. Именно это послание объясняет историю происхождения в личном архивном фонде В. И. Вернадского группы документов, связанных с Таврическим университетом. Как известно,

В. И. Вернадского фактически под арестом препроводили 23 февраля 1921 году в Москву, разрешив взять с собой только самые необходимые вещи. А. И. Маркевич сообщал:

*«Ленинград, пр. К. Либкнехта, д. 98, кв. 16.
17. III. 1936.*

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

Радуюсь, что Вы с неустанной энергией продолжаете служение науке, я в то же время скорблю, не имея возможности видеться с Вами. Поэтому простите, что беспокою Вас своими письмами.

Дело в том, что лет 12–13 назад я задумал написать исторический очерк кратковременной жизни Таврического ун[иверсите]та и нашел в архиве (уже

Н. С. Кошляков.

Кр[ымского] педаг[огического инст[итута]) копию (правленный подлинник) превосходной Вашей докладной записки о важности, необходимости сохранения его в полном составе²¹. Я имел счастье слышать эту записку из Ваших уст и поспешил переписать ее для моего труда. Но моей работе не суждено было быть изданной, и она, конечно, не увидит света. Пока я жив, берегу ее, а после моей смерти она погибнет. Желая, чтоб не погиб Ваш доклад, я решил послать <его> с зятем (Н. С. Кошляковым) Вам, как ценнейший памятник Вашего участия в жизни Таврического университета. Пусть он сохранится в Ваших личных бумагах. Может быть, конечно, что у Вас имеется своя копия, и в таком случае моя будет излишней, и в таком случае я просил бы Вас мою копию вернуть. В точности ее

ручаюсь. Но если Вы решите сохранить ее, то прошу Вас прислать мне свою копию, на память, и как научный важный материал для моей работы. Сделать сейчас копию с нее я не в силах.

Среди бумаг архива Кр[ымского] ун[иверсите]та я нашел и письмо Ваше В. А. Маклакову в Париж по делам университета, очень ценное, и свою копию с него также посылаю Вам.

Есть у меня и копия резолюции Совета Таврического ун[иверсите]та по поводу Вашего доклада, вполне согласной с Вашими мыслями. Я ее не посылаю, но если бы Вы захотели ее иметь, она будет выслана Вам немедленно.

Что касается меня, то я еще тяну свою тяжелую жизненную ляжку, но уже быстро дряхлею. Ровно через месяц мне исполнится 81 год, и наступающий год будет, по всей вероятности, последним годом моего жития-бытия. Сейчас пятую зиму провожу с женой здесь, а в апреле вернусь в Симферополь на дожитие. Будущего у меня уже нет, настоящее уныло, тоскливо, убого, и весь я в думах, и в сновидениях в прошлом. Но об этом не стоит говорить.

Прошу Вас, глубокоуважаемый Владимир Иванович, принять, а равно передать Вашей супруге и «приснопамятным» Георгию Владимировичу и Нине Владимировне мои и Анны Николаевны поклоны и самые сердечные пожелания здоровья и всего, всего доброго. Георгия Владимировича я и сегодня видел во сне, вероятно, вследствие вчерашних бесед о судьбах науки истории у нас.

С глубоким почтением и преданностью А. Маркевич» [37, л. 16–17].

Крымцентрархив с 1923 г. (бывшая семинарская церковь)

Судьба рукописи очерка по истории Таврического университета, о котором сообщает письмо, неизвестна. Выявить именно этот вариант (отосланный В. И. Вернадскому) не удалось. Мы имеем первый опубликованный вариант подготовленной Маркевичем истории Таврического университета [38]. Поиски позволили найти еще одну редакцию данной работы. Оказалось, что в 1930 году А. И. Маркевич отправил такой очерк в Киев А. Е. Крымскому. Он сообщал Агафангелу Ефимовичу 24 декабря 1930 года:

«Глубокоуважаемый Агафангел Ефимович!

Узнав из письма Н[аталии] Дм[итриевны] Василенко, что Вы согласны на передачу в Академию [Всеукраинскую академию наук. – А. Н.] моих работ для помещения их в ее изданиях, решаюсь побеспокоить Вас отсылкой статей на Ваше имя, так как больных Ник[олая] Прок[опьевича] и Нат[алию] Дм[итриевну] затрудняюсь утруждать. У меня готовы три статейки из серии: «Из культурного прошлого Крыма XIX ст.». Первая посвящена пок[ойному] А. Л. Бертье-Делагарду, работа которого для Крыма, его родины, представляет замечательный эпизод в прошлом ее, а вторая передает историю вопроса об учреждении в Крыму в[ысшего] уч[ебного] заведения. Оба вопроса связаны с Украиной: Бертье-Делагард много поработал в Николаеве и особенно в Одессе, да и мать его была уроженка Украины (Черни[говской] г[убернии]), а университет в Крыму был открыт при большом участии Киевского ун[иверсите]та и вначале был его филиалом.

Убедительно прошу Вас, Агафангел Ефимович, просмотреть их, и если Вы найдете их несостоящими помещения в «Студиях з Криму», то просто отослать, а

если они, с Вашей точки зрения, достойны напечатания, передать в издательство или секретариат Академии на их уважение. Не посылаю туда прямо, боясь, в случае отказа, лишиться своих рукописей, чего не желал бы. Третья статья «Хр. Стевен и П. И. Кёппен, как крымские деятели» переписывается, и я вышлю ее, если позволите, Вам в начале будущего месяца. Этим и закончится серия моих статей о прошлом Крыма в XIX ст., т.к. продолжить их не смогу уже. Да и все равно они не скоро были бы изданы.

Очень рад, что Вы здравствуете и бодры. Позвольте пожелать Вам всего доброго в наступающем году.

Искренне и глубоко уважающий Вас А. Маркевич.

Р. С. Посылаю эти статьи в Киев с тою целью, чтобы они, если достойны будут, помещены были в одних изданиях с вышедшими уже. Из всех их культурное прошлое Крыма выясняется полнее и яснее» [39, л. 1–1 об.].

Статья «Открытие в Крыму университета», автограф которой сохранился в «Архиве А. Е. Крымского» в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины имени В. И. Вернадского НАН Украины [40], во многом дублирует положения, опубликованные А. И. Маркевичем в 1919 году в «Известиях Таврического университета». Выпустить второй том «Студий з Криму» Агафангелу Ефимовичу, к сожалению, не удалось. Ученый попал под кампанию борьбы с буржуазным украинским националистом и был вытеснен из административно-научной жизни.

Таким образом, можно предположить, что Арсений Иванович, не дождавшись публикации своей статьи в Киеве, отослал копию (доработанный вариант) В. И. Вернадскому. По содержанию это, скорее всего, аналогичные тексты. Названные А. И. Маркевичем в письме документы сохранились в личном архивном фонде академика и были недавно опубликованы [41, с. 195–201].

Упомянутый политический деятель, юрист Василий Алексеевич Маклаков (1869–1957) – один из лучших адвокатов досоветской России, член ЦК партии кадетов, депутат II – IV Государственной думы. После Февральской революции он служил посол России во Франции и с осени 1917 года остался там в эмиграции. В сентябре 1920 года В. А. Маклаков приезжал в белый Крым, где встречался с П. Н. Врангелем и профессорами Таврического университета, в том числе – с В. И. Вернадским. Возглавив Таврический университет, В. И. Вернадский пытался использовать на его благо все возможные средства, в том числе и личные связи. В письме к В. А. Маклакову от 20 октября 1920 года он просил его посодействовать получить для Академической библиотеки Таврического университета «официальные французские издания по всем министерствам», а также «какие бы то ни было книги, журналы, газеты для нашей библиотеки. Может быть, Вы можете переслать нам, что не нужно Вам. За всякую помощь в этом отношении мы будем страшно благодарны» [42, с. 166]. В. А. Маклаков отозвался на эту просьбу и весомые посылки для нового университета были подготовлены во Франции. Сохранилась переписка по их доставке поездами на территорию Крыма [43].

Еще одно из сохранившихся писем Маркевича Вернадскому, датированное 4 октября 1937 года, было отправлено из Симферополя. Оно подтверждает факт того, что шла переписка и между А. И. Маркевичем и сыном В. И. Вернадского – Георгием Владимировичем, переехавшим к тому времени в Соединенные Штаты Америки. Г. В. Вернадский постоянно присылал в Симферополь свои опубликованные статьи для библиотеки местного педагогического института.

*«Симферополь, ул. Ленина, 18.
4. X. 1937.*

Глубокоуважаемый Владимир Иванович!

На днях я виделся с А. Г. Жировой, сообщившей мне, что Вы интересуетесь моим нынешним адресом. Сказавши ей, где я обитаю, спешу послать его и Вам, чтобы скорее быть Вам полезным. Вместе с тем, благодарю Вас за память обо мне и внимание. Александра Григорьевна сказала мне, что Вы были больны, а теперь здоровы. Радуюсь Вашему возвращению и от всего сердца желаю Вам здоровья, присущей Вам энергии, бодрости, неумолимости в служении науке на многие, многие годы.

Летом я слышал, что Вы отправляетесь за границу, во Францию, и о болезни Вашей не знал. Вероятно, это было случайное заболевание.

В Ленинграде зимой еще я получил четыре статьи дорогого Георгия Владимировича и послал ему письмо с благодарностью за них. Но от него письма не было, и моего он, по-видимому, не получил. Собираюсь писать ему, но думаю, что это удобнее будет сделать в Ленинграде, куда мы собираемся и на предстоящую зиму. А Вас очень прошу написать ему, что я его неизменно люблю и уважаю, и радуюсь его прекрасной научной работе. И благодарю за его добрую, дружескую память обо мне. А если он пришлет свою фотокарточку, а равно и Нины Владимировны, какой это был бы праздник для меня!

Еще благодарю Вас, глубокоуважаемый Владимир Иванович, за память обо мне. С радостью готов быть Вам полезным, чем смогу.

Вместе со мной шлет Вам свой сердечный привет и Анна Николаевна. Просим передать наши поклоны и самые горячие пожелания всего доброго Вашей супруге, Георгию Владимировичу и Нине Владимировне.

Здесь мы становимся все более и более одинокими. Старость переносим благополучно. Я усиленно продолжаю научную работу, но не могу надеяться на ее появление в печати.

С глубоким уважением и преданностью А. Маркевич» [44, л. 18–19].

Письмо начинается с упоминания Александры Григорьевны Жировой – супруги известного геолога, биохимика Константина Константиновича Жирова (1913–1977), которого Вернадский хорошо знал по совместным исследованиям.

Интересно и последнее из писем А. И. Маркевича В. И. Вернадскому. По сути, это вообще последнее из сохранившихся посланий выдающегося крымского историка своим коллегам.

«15. VII. 1941.

Глубокоуважаемый и дорогой Владимир Иванович!

Злополучная судьба связала закат моей жизни с Ленинградом. Здесь, в дачном месте «Шапка», я переживаю свое жизненное прошлое, связанное, гл[авным] обр[азом], с Родиной моей Белоруссией (Брест) и Крымом (Симферополь). Но сил для работы у меня нет.

Вам и Вашей семье я обязан многими светлыми, радостными моментами в своей скромной научной работе, и прошу Вас на закате своих дней, принять мою глубокую, самую сердечную благодарность за внимание ко мне, существенную помощь в моей работе. Вам лично, всей Вашей семье сердечные пожелания многих лет и благополучия во славу Науки и Отечества. Позвольте горячо обнять Вас.

Душевно преданный А. Маркевич» [45, л. 20].

Таким образом, благодаря письмам Арсения Ивановича Маркевича на протяжении 20–30-х годов В. И. Вернадский постоянно получал достаточно полную информацию о научной жизни в Крыму, деятельности Таврического общества истории, археологии и этнографии, почетным членом которого он состоял, жизни Крымского университета (пединститута) им. М. В. Фрунзе, в судьбе которого он оставил значительный след. Эпистолярные источники позволили увидеть состояние интеллектуальной напряженности крымского научного социума «изнутри», определить повседневные проблемы ученых и очертить их коммуникативные круги, раскрыть неизвестные моменты биографии отдельных деятелей.

Список использованных источников и литературы

1. В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др. – 2-е изд.: перераб. – Киев: Либидь, 2012. – 248 с.
V. I. Vernadskij i Krym: lyudi, mesta, sobytiya... / N. V. Bagrov, V. G. Ena, V. V. Lavrov i dr. – 2-e izd.: pererab. – Kiev: Libid', 2012. – 248 s.
2. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук. – Белгород: Константа, 2018. – 352 с.
Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografijah / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk. – Belgorod: Konstanta, 2018. – 352 s.
3. Вернадский В. О научной работе в Крыму в 1917–1921 гг. // Наука и ее работники. – Петроград, 1921. – № 4. – С. 3–12.
Vernadskij V. O nauchnoj rabote v Krymu v 1917–1921 gg. // Nauka i ee rabotniki. – Petrograd, 1921. – № 4. – S. 3–12.
4. Гальцов П. Русская наука и ученые в Крыму (1917–1920 гг.) // Новая русская книга. – Берлин, 1922. – № 1. – С. 27–31.
Gal'cov P. Russkaya nauka i uchenye v Krymu (1917–1920 gg.) // Novaya russkaya kniga. – Berlin, 1922. – № 1. – S. 27–31.
5. Непомнящий А. А. «Что можем, делаем...»: охрана культурного наследия в Крыму в 1917–1920 годах // Очерки истории отечественной археологии / Ин-т археологии РАН; Отв. ред. П. Г. Гайдуков, И. В. Тункина. – М., 2019. – Вып. 5. – С. 219–236.

Nepomnyashchij A. A. «Что mozhem, delaem...»: ohrana kul'turnogo naslediya v Krymu v 1917–1920 godah // Ocherki istorii otechestvennoj arheologii / In-t arheologii RAN; Otv. red. P. G. Gajdukov, I. V. Tunkina.– М., 2019.– Вып. 5.– С. 219–236.

6. Вернадский В. И. Дневники, 1917–1921. Январь 1920 – март 1921 / Сост. С. Н. Киржаев, А. В. Мемелов, В. С. Неаполитанская и др.– Київ: Наукова думка, 1997.– 324 с.

Vernadskij V. I. Dnevniky, 1917–1921. Yanvar' 1920 – mart 1921 / Sost. S. N. Kirzhaev, A. V. Memelov, V. S. Neapolitanskaya i dr.– Київ: Naukova dumka, 1997.– 324 s.

7. Непомнящий А. А. Крымские корреспонденты академика В. И. Вернадского (1920–1930-е гг.) // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: «Гуманитарные науки».– 2021.– Т. 23, № 3.– С. 70–86.

Nepomnyashchij A. A. Krymskie korrespondenty akademika V. I. Vernadskogo (1920–1930-e gg.) // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2: «Gumanitarnye nauki».– 2021.– Т. 23, № 3.– С. 70–86.

8. Избранные научные труды академика В. И. Вернадского: в 10-ти т.– Киев, 2012.– Т. 2: Владимир Иванович Вернадский: переписка с украинскими учеными: в 2-х кн. Кн. 1, ч. 1.– 742 с.

Izbrannye nauchnye trudy akademika V. I. Vernadskogo: v 10-ti t.– Kiev, 2012.– Т. 2: Vladimir Ivanovich Vernadskij: perepiska s ukrainskimi uchenymi: v 2-h kn. Kn. 1, ch. 1.– 742 s.

9. Непомнящий А. А. Арсений Маркевич: страницы истории крымского краеведения.– Симферополь: Бизнес-Информ, 2005.– 432 с., ил.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 3).

Nepomnyashchij A. A. Arsenij Markevich: stranicy istorii krymskogo kraevedeniya.– Simferopol': Biznes-Infom, 2005.– 432 s., il.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 3).

10. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

11. Непомнящий А. А. Семинариум имени Н. П. Кондакова – европейский крымоведческий центр (20-е годы XX столетия) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии / Крымский федеральный ун-т им. В. И. Вернадского.– Симферополь, 2021.– Вып. 26.– С. 609–628.

Nepomnyashchij A. A. Seminarium imeni N. P. Kondakova – evropejskij krymovedcheskij centr (20-e gody XX stoletiya) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii / Krymskij federal'nyj un-t im. V. I. Vernadskogo.– Simferopol', 2021.– Вып. 26.– С. 609–628.

12. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

13. ГАРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418, л. 13–14; ф. Р-652, оп. 1, д. 116, л. 33, 36.

GARK, f. R-415, op. 1, d. 418, l. 13–14; f. R-652, op. 1, d. 116, l. 33, 36.

14. ГАРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418.

GARK, f. R-415, op. 1, d. 418.

15. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 309.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 309.

16. История Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского в документах и фотографиях / Авт.-сост. А. А. Непомнящий, А. С. Кравчук.– Белгород: Константа, 2018.– 352 с.

Istoriya Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo v dokumentah i fotografijah / Avt.-sost. A. A. Nepomnyashchij, A. S. Kravchuk.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 352 s.

17. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

18. ГАРК, ф. Р-415, оп. 1, д. 418.

GARK, f. R-415, op. 1, d. 418.

19. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 309.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 309.

20. Непомнящий А. А. «Мы стремимся к тому, чтобы это было продолжение прежних археологических съездов»: Керченская археологическая конференция [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время.– 2017.– Т. 14.– Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма.– URL : http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.31.pdf

Nepomnyashchij A. A. «My stremimsya k tomu, chtoby eto bylo prodolzhenie prezhnih arheologicheskikh s'ezdov»: Kerchenskaya arheologicheskaya konferenciya [Elektronnyj resurs] // Elektronnoe nauchnoe izdanie Almanah Prostranstvo i Vremya.– 2017.– Т. 14.– Вып. 1: Krymovedenie: prostranstvo i vremya Kryma.– URL : http://j-spacetime.com/actual%20content/t14v1/PDF/2227-9490e-aprovr_e-ast14-1.2017.31.pdf

21. ГИМ ОПИ, ф. 442, оп. 1, д. 51.

GIM OPI, f. 442, op. 1, d. 51.

22. Непомнящий А. А. Академик С. Ф. Платонов и крымоведение.– Белгород: Константа, 2018.– 216 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 27).

Nepomnyashchij A. A. Akademik S. F. Platonov i krymovedenie.– Belgorod: Konstanta, 2018.– 216 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 27).

23. СПбФ АРАН, ф. 827, оп. 4, д. 343.

SPbF ARAN, f. 827, op. 4, d. 343.

24. Комиссия по истории знаний, 1921–1932 гг.: из истории организации историко-научных исследований в Академии наук: сб. док. / Сост. В. М. Орел, Г. И. Смагина.– СПб.: Наука, 2003.– 766 с.

Komissiya po istorii znanij, 1921–1932 gg.: iz istorii organizacii istoriko-nauchnyh issledovanij v Akademii nauk: sb. dok. / Sost. V. M. Orel, G. I. Smagina.– SPb.: Nauka, 2003.– 766 s.

25. ГИМ ОПИ, ф. 54, оп. 1, д. 997.

GIM OPI, f. 54, op. 1, d. 997.

26. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.

ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.

27. Там же.

Tam zhe.

28. Там же.

Tam zhe.

29. Непомнящий А. А. Крымоведение в межличностных коммуникациях Н. Д. Полонской-Василенко: по материалам эпистолярного наследия // Пространство и Время.– Москва, 2018.– № 1–2.– С. 169–180.

Nepomnyashchij A. A. Krymovedenie v mezhlchnostnyh kommunikacijah N. D. Polonskoj-Vasilenko: po materialam epistolyarnogo naslediya // Prostranstvo i Vremya.– Moskva, 2018.– № 1–2.– S. 169–180.

30. Маркевич А. З культурної минувшини Криму ХІХ в.: короткі нариси: I. Діячі Криму на початку ХІХ віку; II. Пушкін у Криму; III. Декабристи і Крим; IV. Містики в Криму; V. О. С. Таранов-Білозеров; VI. Андрій Якович Фабр // Збірник Історично-філологічного відділу Всеукраїнської академії наук.– Київ, 1930.– № 89: Філологічна катедра під керуванням А. Ю. Кримського, Тюркологічна комісія, № 2: Студії з Криму.– С. 107–158.

Markevich A. Z kul'turnoi minuvshini Krimu XIX v.: korotki narisi: I. Diyachi Krimu na pochatku XIX viku; II. Pushkin u Krimu; III. Dekabristi i Krim; IV. Mistiki v Krimu; V. O. S. Taranov-Bilozеров; VI. Andrij Yakovich Fabr // Zbirnik Istorichno-filologichnogo viddilu Vseukraïns'koï akademii nauk.– Kiïv, 1930.– № 89: Filologichna katedra pid keruvannyam A. YU. Krims'kogo, Tyurkologichna komisiya, № 2: Studii z Krimu.– S. 107–158.

31. Дубровский В. [Рецензия] // Східний світ.– Харків, 1930.– № 4/5(13/14).– С. 298–301; Szapszał S. [Recenziya] // Myśl karaïmska.– Wilno, 1934.– Zesz. 10 (1932–1934).– S. 103–105; Курц Б. Г. Огляд літератури про Схід, що вийшла на Україні 1924–1932 рр.: [рукопись].– ИРНБУВ, ф. 10, оп. 1, д. 22986, л. 1–141. [1932 год].

Dubrovsk'ij V. [Recenziya] // Skhidnij svit.– Harkiv, 1930.– № 4/5(13/14).– S. 298–301; Szapszał S. [Recenziya] // Myśl karaïmska.– Wilno, 1934.– Zesz. 10 (1932–1934).– S. 103–105; Kure B. G. Oglyad literaturi pro Skhid, shcho vjishla na Ukraïni 1924–1932 rr.: [rukopis'].– IRNBUV, f. 10, op. 1, d. 22986, l. 1–141. [1932 god].

32. Непомнящий А. А. Восточный факультет: неизвестные страницы истории крымоведения.– Саратов: Амирит, 2021.– 416 с.– (Серия: «Биобиблиография крымоведения»; вып. 31).

Nepomnyashchij A. A. Vostochnyj fakul'tet: neizvestnye stranicy istorii krymovedeniya.– Saratov: Amirit, 2021.– 416 s.– (Seriya: «Biobibliografiya krymovedeniya»; vyp. 31).

33. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.
34. Там же.
Tam zhe.
35. Там же.
Tam zhe.
36. ГАРК, ф. П-1, оп. 1, д. 1363.
GARK, f. P-1, op. 1, d. 1363.
37. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.
38. Маркевич А. И. Краткий исторический очерк возникновения Таврического университета // Известия Таврического университета.– Симферополь, 1919.– Кн. 1.– С. 11–42.
Markevich A. I. Kratkij istoricheskij ocherk vozniknoveniya Tavricheskogo universiteta // Izvestiya Tavricheskogo universiteta.– Simferopol', 1919.– Кн. 1.– С. 11–42.
39. ИРНБУВ, ф. 1, № 22440.
IRNBUV, f. 1, № 22440.
40. ИРНБУВ, ф. 1, № 22442.
IRNBUV, f. 1, № 22442.
41. В. И. Вернадский и Крым: люди, места, события... / Н. В. Багров, В. Г. Ена, В. В. Лавров и др.– 2-е изд.: перераб.– Киев: Либідь, 2012.– 248 с.
V. I. Vernadskij i Krym: lyudi, mesta, sobytiya... / N. V. Bagrov, V. G. Ena, V. V. Lavrov i dr.– 2-e izd.: pererab.– Kiev: Libid', 2012.– 248 s.
42. Там же.
Tam zhe.
43. Непомнящий А. А. И. А. Линниченко: от прославленного в Новороссии профессора до нищеты Таврического университета // Пространство и время.– Москва, 2014.– № 2.– С. 216–224.
Nepomnyashchij A. A. I. A. Linnichenko: ot proslavlennogo v Novorossii professora do nishchety Tavricheskogo universiteta // Prostranstvo i vremya.– Moskva, 2014.– № 2.– С. 216–224.
44. АРАН, ф. 518, оп. 3, д. 1040.
ARAN, f. 518, op. 3, d. 1040.
45. Там же.
Tam zhe.

Nepomnyashchij A. A. Correspondence of A. I. Markevich and V.I. Vernadsky (20–30s) – a meaningful source on the history of crimean studies

The research is based on the corpus of epistolary sources deposited in the personal archival fund of academician V. I. Vernadsky. The study of the correspondence made possible to determine the range of interests of V. I. Vernadsky related to his affairs in Crimea. Vernadsky's attention to people and events on the peninsula rises to the dramatic period of his biography because of the unexpected rectorship at the Tauride University (October 1920 – January 1921). V. I. Vernadsky, who strongly cared about the fate of the Tauride (in the years described – Crimean) University (Pedagogical Institute) named after M. V. Frunze, was also interested in the living aspects of eminent professors with whom he worked at the university in 1920.

Thanks to the notes of the leader of the local regional studies movement A. I. Markevich, there were discovered some details of individual manuscripts of V. I. and G. V. Vernadsky. Also it became possible to clarify the process of transferring funds of P. I. Köppen and H. H. Steven, significant researchers in the versatile studies of the Crimean peninsula to the Archive of the USSR Academy of Sciences.

Keywords: V. I. Vernadsky, epistolary heritage, A. I. Markevich, Crimean State University of M. V. Frunze.